

Сменовеховство как первая историческая попытка примирения красных и белых: достижения и провалы

Аннотация. Рассматривается история и итоги знаменитого движения сменовеховства, начало которому положил выход в 1921 году сборника «Смена Вех». Говорится, что в постсоветское время сменовеховство выпало из поля общественного внимания, но сейчас наступило время вернуться к этому феномену. Автор считает сменовеховство первой исторической попыткой примирения красных и белых после Гражданской войны. С этой точки зрения оцениваются положительные и отрицательные стороны этого движения, какие уроки из этой истории можно извлечь сегодня. Отмечается востребованность и неслучайная популярность сменовеховских идей в момент их возникновения. Однако довольно быстро это движение становится весьма коррумпированным (испорченным и фальшивым) в лице ведущих своих членов, многим становится очевидным его заказной характер, который оно приобрело в скором времени. Изначальный просчёт сменовеховцев состоял в том, что большевики не были готовы идти на какие-то серьёзные компромиссы, разве что из тактических соображений. Трагическую судьбу лидера этого движения Н. В. Устрялова и многих других его видных участников обусловило то, что их взгляд и анализ не проникал в философскую и метафизическую плоскость, ограничивался преимущественно

социально-политической и экономической реальностью. Поэтому их надежды на скорую эволюцию режима не оправдались. В случае с таким идеократическим государством, каким был СССР, необходимо было принимать во внимание и философию марксизма и его метафизику. Исторические результаты, позволяющие оценить сменовеховство, оказались двоякими. Нельзя не признать восстановление государства и армии, международный престиж СССР, который стал ведущей державой в XX веке. С другой стороны, советское великодержавие закончилось крахом государства. Сменовеховцы переоценили государственный потенциал большевизма. Через призму сменовеховства полезен взгляд на советский период истории, на его плюсы и минусы. Неслучайно сквозь красные контуры СССР частично вдруг проступили и черты исторической России. Именно это и было дорого сменовеховцам. А вот в какой мере они проступили — это остаётся предметом для дискуссий вплоть до сегодняшнего дня.

Ключевые слова: сборник «Смена Вех», сменовеховство, Н. В. Устрялов, Гражданская война

Для цитирования: Пущаев Ю. В. Сменовеховство как первая историческая попытка примирения красных и белых: достижения и провалы // Ортодоксия. — 2023. — № 1. — С. 246–265. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-1-246-265

Сначала напомню, что «Смена Вех» — это политический сборник публицистических статей, который вышел в Праге в июле 1921 года. Авторами его были видные представители общественной мысли русской эмиграции. Его выход вызвал большой шум и множество самых разных откликов. Тогдашняя актуальность «Смены Вех» во многом объясняется тем, что это была первая попытка выдвинуть своего рода манифест национального примирения после Гражданской войны.

Правда, примирения не получилось. «Смену Вех» не приняло большинство русской эмиграции. Широкомасштабная Гражданская война только что закончилась, и большинство вождей и видных участников белого движения были настроены на продолжение бескомпромиссной борьбы с большевизмом. Большевики же более благожелательно приняли

сборник, но сделали это не совсем по тем причинам, на которые рассчитывали авторы сборника. Удивительно и достойно внимания, кстати, то, что, в отличие от многократно переиздававшихся в постсоветское время сборников «Вехи» и «Из глубины», «Смена Вех» за первые постсоветские 30 лет издавалась только один раз — в 1992 году, и то на обложке даже не было названия сборника. Только в 2021 году, к 100-летней годовщине выхода, состоялось два переиздания этого сборника.

С чем связано это обстоятельство? Почему «Смена Вех» в постсоветское время надолго выпала из фокуса общественного внимания? Первая, очевидная причина та, что авторы этого сборника, кроме Н. В. Устрялова, не были авторами, мыслителями и публицистами звёздного веховского уровня. Пожалуй, только специалисты по истории русской общественной мысли знают имена остальных участников этого сборника: Ключникова, Бобрищева-Пушкина, Чахотина и других. Вторая причина, на мой взгляд, связана с тем, что «Смена Вех» призывала к примирению с большевизмом, но конец 1980-х — первая половина 1990-х годов отличались в целом заметным, даже экзальтированным антисоветским трендом на волне движения прочь от коммунистической эпохи, особенно среди большинства российской постсоветской интеллигенции. Поэтому и «Смена Вех» выпала, так сказать, из поля интереса отечественной интеллигенции, была неактуальной. О сборнике чаще писали во второй половине 1980-х, когда актуальными считались идеи по синтезу капитализма и социализма, условно говоря, но в конце 1980-х произошёл резкий перелом в господствующих общественных настроениях.

К тому же исторический результат сменовеховского движения оказался во многом провальным. Правда, где те весы, на которых можно измерить точную степень и меру этой провальности? Впрочем, о неудаче сменовеховского движения говорит хотя бы трагическая судьба его лидеров. То, что из шести авторов пражского сборника (все они вернулись в СССР) пятеро были расстреляны во второй половине 1930-х годов на пике сталинских репрессий. Своей смертью умер только один участник сборника — С. Чахотин, и то только потому, что он вернулся в СССР только в конце 1950-х.

Однако, несмотря на трагичность опыта сменовеховства для личных судеб многих из тех, кто принял в нём участие, оно сегодня, на мой взгляд, представляет для нас большой интерес как первая значимая попытка гражданского примирения красных и белых. Да, идеологи сменовеховства недооценили убеждённость, догматичность и радикализм

коммунистов — во многом потому, на мой взгляд, что брали во внимание преимущественно социально-политические, идеологические и социально-экономические факторы. Вне их внимания осталась метафизическая или философская подоплёка коммунизма. А именно она в значительной степени предопределила то, что он не мог развиваться и эволюционировать так быстро и в том направлении, на которое вожди сменовеховства рассчитывали. Сменовеховцы надеялись, что уже очень скоро уйдут крайности революционного экстремизма, поскольку в начале 1920-х вроде началось определённое смягчение режима, НЭП и так далее. Однако за НЭПом вскоре последовал коренной перелом Сталина, и революционная ломка страны продолжилась. Надежды себя не оправдали.

Тем не менее почему для нас поучителен и важен опыт сменовеховства? Можно отметить, прежде всего, ряд достаточно трезвых идей авторов сборника. Например, А. В. Бобрищев-Пушкин пишет, что если война, Гражданская война безнадежно проиграна, то надо уметь заключить мир. И ведь во многом он был прав. Воевать с большевистской Россией тогда было уже бессмысленно. Советскую власть признало на тот момент большинство народа. Ей в конечном итоге удалось перетянуть на свою сторону крестьянина-середняка.

Также нельзя отказать в известной правоте и даже политической мудрости другому суждению того же автора: «Нечего говорить о давно указанных фактах воссоединения с советской властью отторгнутых частей России, начиная с Украины и кончая Грузией. В Кремле всякий интернационалист станет патриотом, станет государственным. Нельзя, управляя страной, не охранять её» (Смена Вех 2021: 193).

Сегодняшнее обращение и интерес к «Смене Вех», как мне кажется, может опираться на то, что мы уже можем смотреть на советский опыт более аналитически, отстранённо, без всплесков былых эмоций, которые правили страной в 1990-е годы. Тогда господствовал либеральный мейнстрим, ему пытался ожесточённо противостоять радикальный оппозиционный «советизм», и в условиях идеологической схватки нельзя было в том числе в достаточной мере оценить положительное содержание советского опыта. А для этого нужно иметь не предвзятые и не зашоренные, открытые глаза. Всё больше приходит понимание, что социалистический опыт и советский период невозможно вычеркнуть из русской истории. Это, хочешь не хочешь, как говорил Маяковский, «пресволочнейшая штука: существует — и ни в зуб ногой».

«Смена Вех» и движение сменовеховства были, наверно, первым значимым историческим опытом попытки такого понимания, когда советский опыт попытались оценить отстранённо: во многом положительно, но не с советских позиций. Эта попытка оказалась во многом неудачной, но поучительной. В ней важны, на мой взгляд, не только её достоинства или высказанные участниками сборника верные (или относительно верные) суждения, но и провалы. Авторы «Смены Вех», бывшие активные участники белого движения (напомню, что среди них были преимущественно крупные деятели кадетской партии), первыми провозгласили отказ от Гражданской войны как способа решения общественно-политических проблем и надежду на то, что русская большевистская революция сама изживёт и отменит себя. Кстати, любопытно, что знаменитая фраза «целились в коммунизм, а попали в Россию», авторство которой обычно приписывают философу и диссиденту Александру Александровичу Зиновьеву, принадлежит на самом деле Николаю Васильевичу Устрялову, идейному лидеру сменовеховства. Он ещё осенью 1920 года пишет княгине Голицыной, убеждая её признать неслучайность победы большевиков и прекратить Гражданскую войну с ними. Его слова в оригинале звучат так: «Метили в большевиков, попали по России, в себя самих... Не останутся ли?» («Не остановиться ли?» 1991: 217).

В то же время активная проповедь возвращенчества и уверения в скором перерождении советской власти, в возможности безбоязненного сотрудничества с нею бывших её противников оказались роковыми для очень многих сменовеховцев. В том числе, как я уже сказал, и для авторов сборника. При этом нужно отдавать отчёт в том, что сменовеховство было сложным явлением, которое объединяло под своим названием разные фракции и разные имена, разные интенции и намерения. Правильное трагически сплелось с ошибочным, с фальшью и коррупцией. Поэтому это движение не стоит изображать какой-то одной краской. Даже двух-трёх красок тут, на мой взгляд, не хватит.

В исследовательской литературе нередко можно встретить мнение о рукотворности проекта сменовеховства, о том, что его создали на большевистские деньги. Правда, даже при таком, довольно пренебрежительном взгляде выделяют отдельно стоящую вершину — фигуру Николая Васильевича Устрялова. Признавая, что историками действительно сделано немало для вскрытия этого важного обстоятельства, что отношения между большинством идеологов сменовеховства и большевиками очень

быстро стали отношениями заказчик–исполнитель и были поставлены на чуть ли не коммерческую либо полукommerческую основу, хочется возразить следующее. Акцентирование только на этой стороне сменовеховского движения оставляет в тени органичность и логичность на тот момент его возникновения, то, что для этого были естественные предпосылки. Даже наличие солидного финансирования не дало бы возможности организовать широкое и массовое общественно-политическое движение и в Советской России, и в русском зарубежье, если бы для этого не было реальной почвы. Можно было бы лишь выпустить на выделенные суммы сборник, наладить издание газеты или журнала, но кто бы их стал читать и поступать в соответствии с написанным? И неслучайно, в частности, жёсткое противостояние большей части белой эмиграции сменовеховству с целью не допустить дальнейшего распространения его идей. Его действительно боялись.

Идеи примирения и признания большевиков как уже созидающей государственной силы на тот момент, к 1921 году, были достаточно распространены. Похожие мысли и настроения выражал, например, Василий Шульгин. Высказывались они и в некоторых других иммигрантских группах и кружках. Близкой по ряду моментов к сменовеховству также была, например, позиция бывшего посла России во Франции и видного деятеля кадетской партии Василия Маклакова. Он говорил, что «это течение представляет слишком много соблазна для продажных людей, которые к ним уже примазываются и пристраиваются (...) Но стоит им дальше пойти по этой дорожке, как всё это движение потеряет весь налёт идеализма, станет простой спекуляцией, собранием новых продажных людей, которые продаются новому хозяину» (Квакин 2006: 243). Тем не менее, говорил Маклаков, «пока это не совершилось и не отделено то, что в этом течении было здорового, вехизм представляется настолько оригинальным, что те, кто с ним знакомится, невольно поддаются его влиянию...» (Квакин 2006: 243).

О том, что идеи сменовеховства, несмотря на ожесточённую полемику, встретили большой отклик и понимание, говорит то, что в 1921 году на Родину из эмиграции вернулось 122 тысячи человек. И это были не только представители творческой и технической интеллигенции, но и офицеры, солдаты и казаки. Все они решили отказаться от участия в вооружённой борьбе против Советской России, против России, какой она тогда была. Они не разделяли большевизм как систему взглядов, но

решили участвовать в возрождении России. К ним относились и те, кто являлись внутренними эмигрантами. Они не были большевиками и коммунистами, но, живя и работая при большевистском режиме, при этом искренне служили новой власти, увидев в ней созидательную государственную силу.

Что в целом обусловило, на мой взгляд, первоначальный успех пражского сборника и сменовеховского движения? Какие факты и аргументы это подкрепляли? Первое — это понимание необратимости победы большевиков, того, что насильственным путём их не свергнуть. Второе — это осознание братоубийственного характера Гражданской войны и усталость от неё, отсюда призыв в сборнике к гражданскому миру. Также авторы «Смены Вех» подчёркивали, что большевики сегодня просто силой вещей и обстоятельств становятся государственниками. Интернационалисты всё более проникаются русскими национальными интересами. Поэтому красные создали мощную армию. В то же время так называемые русские националисты, белые, ведут себя антипатриотично, поддерживая иностранных интервентов.

Кстати, отчасти что-то похожее, на мой взгляд, мы видели в 90-е и в нулевые годы, когда убеждённые либералы, приходя в Кремль, тоже силой вещей становились в той или иной степени (а иногда и в очень большой) государственниками.

Потом, среди кругов эмиграции были сильные надежды на перерождение большевизма и мирную эволюцию режима, уверенность в том, что правые фракции в компартии объединятся с нарождавшейся буржуазией и отменят засилье партийных догматиков и доктринёров. Устрялов, и не только он, но и другие авторы сборника, считал, что русская революция имела национальный характер. Её делали не инородцы, последние были лишь захвачены общероссийским вихрем, утверждал Устрялов. И другой важный момент — это фиксирование жизненности Новой России, пробуждения в ней огромной энергии, что тоже было очевидно. Экономическое и культурное развитие в Советской России действительно шло ошеломляюще быстрыми темпами.

Кстати, почему сборник назывался «Смена Вех»? В чём, собственно, состоял призыв к интеллигенции сменить вехи? Звали не просто признать революцию как исторически неизбежную, но принять революцию как своих, интеллигентских рук дело, и более того, считать её результаты благом для России. Поэтому и следует возвращаться на родину из эмиграции,

помогать новой власти строить новую жизнь. В этом смысле и нужно сменить вехи, поменять установки. Кстати, сборник «Смена Вех» называется так, что «Вехи» там тоже с большой буквы. Очевидно, это отсылка к дореволюционным «Вехам», призыв изменить то веховское мировоззрение.

Неким парадоксальным образом сменовеховцы, хотя и отказывались от веховской критики революции, в чём-то продолжали антиреволюционную традицию. Ведь отступление от вех, к которому они призывали, должно было произойти во имя прекращения, или, как они говорили, отщепенства от государственной власти. Сменовеховцы призывали принять совершившуюся революцию как факт, чтобы больше не было революции, во имя гражданского мира и плавной эволюции, и взывали к компромиссам.

Конечно, кардинальная проблема была в том, что вторая сторона идти на принципиальные компромиссы со сменовеховцами совсем не собиралась. Большевики готовы были идти навстречу очень ограниченно и лишь тактически временно, в том числе так называемые правые коммунисты, фракция Бухарина, на которых поначалу особенно рассчитывали Устрялов и его единомышленники. Идеология сменовеховцев была выгодна советской власти, во-первых, потому что показывала правоту большевиков: бывшие враги признают себя побеждёнными. Они подтверждают их достижения по строительству и укреплению новой России. Во-вторых, сменовеховство способствовало возвращению в СССР столь нужных в условиях разрухи и запланированного хозяйственного подъёма разных специалистов. Поэтому в СССР с согласия, разумеется, руководства партии дважды издают «Смену Вех» 10-тысячным тиражом. Сборник свободно распространялся в СССР. В то же время возникновение сменовеховства стало для большевиков тревожным знаком. Понимая пользу этого движения, партийное руководство действительно не хотело давать ему большую свободу из опасений так называемого буржуазного перерождения, которое мог бы принести НЭП. Ведь об этом перерождении как практически неизбежном и писали Устрялов и его соавторы. Большевики оценили тонкость и проницательность Устрялова. Они признали в нём умного врага, то, как убедительно и откровенно он предсказывал эту опасность для них. В подтверждение — одна большая ленинская цитата, из его речи на XI съезде РКП (б) 27 марта 1922 года, которую хочется привести целиком, несмотря на её величину, — настолько она важна, ведь каждая фраза здесь выразительна и весома:

«Я хотел, в связи с этим, коснуться вопроса о том, что такое новая экономическая политика большевиков — эволюция или тактика? Так поставили вопрос сменовеховцы, которые, как вы знаете, представляют течение, привившееся в эмигрантской России, течение общественно-политическое, во главе которого стоят крупнейшие кадетские деятели, некоторые министры бывшего колчаковского правительства — люди, пришедшие к убеждению, что Советская власть строит русское государство и надо поэтому идти за ней. “Но эта Советская власть строит какое государство? Коммунисты говорят, что коммунистическое, уверяя, что это — тактика: большевики обойдут в трудный момент частных капиталистов, а потом, мол, возьмут своё. Большевики могут говорить, что им нравится, а на самом деле это не тактика, а эволюция, внутреннее перерождение, они придут к обычному буржуазному государству, и мы должны их поддерживать. История идёт разными путями”, — рассуждают сменовеховцы.

Некоторые из них прикидываются коммунистами, но есть люди более прямые, в том числе Устрялов. Кажется, он был министром при Колчаке. Он не соглашается со своими товарищами и говорит: “Вы там насчёт коммунизма как хотите, а я утверждаю, это у них не тактика, а эволюция”. Я думаю, что этот Устрялов этим своим прямым заявлением приносит нам большую пользу. Нам очень много приходится слышать, мне особенно по должности, сладенького коммунистического вранья, “комвранья”, кажинный день, и тошнѣхонько от этого бывает иногда убийственно. И вот, вместо этого “комвранья” приходит номер “Смены Вех” и говорит напрямик: “У вас это вовсе не так, это вы только воображаете, а на самом деле вы скатываетесь в обычное буржуазное болото, и там будут коммунистические флажки болтаться со всякими словечками”. Это очень полезно, потому что в этом мы видим уже не простой перепев того, что мы постоянно кругом себя слышим, а просто классовую правду классового врага. Такую вещь очень полезно посмотреть, которая пишется не потому, что в коммунистическом государстве принято так писать или запрещено иначе писать, а потому, что это действительно есть классовая правда, грубо, открыто высказанная классовым врагом. “Я за поддержку Советской власти в России, — говорит Устрялов, хотя был кадет, буржуа, поддерживал интервенцию, — я за поддержку Советской власти, потому что она стала на дорогу, по которой катится к обычной буржуазной власти”.

Это очень полезная вещь, которую, мне кажется, необходимо иметь в виду; и гораздо лучше для нас, когда сменовеховцы так пишут, чем когда

некоторые из них почти что коммунистами прикидываются, так что издали, пожалуй, не отличишь, — может быть, он в бога верует, может — в коммунистическую революцию. Эдакие откровенные враги полезны, надо сказать прямо. Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны, надо сказать прямо. История знает превращения всяких сортов; полагаться на убеждённость, преданность и прочие превосходные душевные качества — это вещь в политике совсем не серьёзная. Превосходные душевные качества бывают у небольшого числа людей, решают же исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое число людей не подходит к ним, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо.

Много тому бывало примеров, и поэтому надо сие откровенное заявление сменовеховцев приветствовать. Враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит. Враг стремится к тому, чтобы это стало неизбежным. Сменовеховцы выражают настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики. Это — основная и действительная опасность. И поэтому на этот вопрос надо обратить главное внимание: действительно, чья возьмёт? Я говорил о соревновании. Прямого натиска на нас нет, нас не хватают за горло. Что будет завтра, это мы ещё посмотрим, но сегодня на нас не наступают с оружием в руках, и тем не менее борьба с капиталистическим обществом стала во сто раз более ожесточённой и опасной, потому что мы не всегда ясно видим, где против нас враг и кто наш друг» (Ленин 1970: 93–95).

Интересно, насколько смело смотрит в лицо опасности перерождения Ленин, что показывает, что для него никаких сомнений в приоритетах не было: ни на какой термидор он, как и всё руководство партии, никогда бы не пошёл. В то же время вождь большевиков, скажем так, благодарен Устрялову за его прямоту и убедительность, ценит его ум и искренность — ум и искренность врага.

Действительно, НЭП означал только тактику, временное отступление. После смерти Ленина сменовеховство и «устряловщина», как тогда говорили, становятся факторами внутрипартийной борьбы. Левые в лице Зиновьева в 1925 году публично и прозрачно намекают на близость идеологии сменовеховства правым и Бухарину. Зиновьев пишет статью, где под маской критики Устрялова критикует руководство партии, Бухарина и Сталина, которые тогда были союзниками.

Никаких стратегических уступок коммунистической властью не планировалось. Примиряться в основном хотели авторы сборника. Сменовеховцы рассчитывали на смягчение режима и его плавную эволюцию, на пусть постепенное, но неуклонное прекращение репрессий. Но вскоре победившее сталинское партийное большинство во главе со своим вождём сворачивает НЭП и переходит в наступление. Впрочем, сдача позиций и коррупция в сменовеховстве (коррупция не обязательно в смысле продажности и открытого подкупа, а в изначальном значении латинского слова *corruptio* — «порча», «повреждённость») начались гораздо раньше. Причём коррупция, на мой взгляд, внутренняя, духовная, возникла раньше, чем внешняя, материальная, то есть чем финансовая и организационная зависимость от большевиков.

В этом контексте примечателен своего рода, прошу прощения за такой оборот, антидостоевский настрой или стиль мышления идеологов сменовеховства — Устрялова, Ключникова и других. А именно, они говорили, что признать большевиков необходимо, чтобы оправдать не просто слезинку ребёнка, а реки и моря крови, пролитой в революции и в Гражданскую войну. Вот что говорил Ключников в передовой уже первого номера парижского журнала «Смена Вех» (он стал выходить с 1922 года, всего вышло 20 номеров): «Создалась новая Россия — Россия трудящихся, сбросивших с себя ярмо прежних угнетений и ищущих новостю своей свободы. Она ещё слаба, эта новая Россия, и при неблагоприятной обстановке мыслимы не только резкое понижение её достижений, но даже и срыв её. Отсюда — предостережение: если ценой великих испытаний и разрушений Россия достигнет лишь ничтожных результатов, это будет непоправимый моральный удар для неё: жертвы революции не должны остаться неискупленными»¹¹. То есть великий результат оправдывает жертвы революции. В этом можно усмотреть политическую логику, но этому сопротивляется элементарное нравственное чутьё.

Правда, можно ещё возразить, что жертвы революции — расплата за прежние жертвы и угнетения при царском режиме. Неслучайно поэтому авторы «Смены Вех» настаивали на сомнительном, на мой взгляд, тезисе, что большевизм был не только красный, но и белый. Они приравнивали друг к другу всех участников Гражданской войны, утверждая, что все были большевики, только одни красные, а другие белые. Дескать, обе стороны хороши, обе одинаково виновны в терроре. Да, возможно,

1 Б. а. Передовая // Смена Вех. — Париж. — 1921. — № 1. — С. 2.

можно согласиться с тем, что белый террор был если не равен красному, то сравним с ним, что во время Гражданской войны озверение наступает очень быстро у обеих сторон. Но ведь нужно помнить и то, что именно партия большевиков сразу, изначально выступала с лозунгом превращения войны империалистической в гражданскую и провозгласила своей целью мировую революцию, которая есть та же гражданская война, но уже во всемирном масштабе. Приравнивание сменовеховцами большевиков к другим русским политическим партиям по степени радикальности следует всё же отнести скорее к разряду идеологических передёргиваний.

Сменовеховцы, осознавшие факт необратимости победы революции, то, что нельзя зубную пасту обратно затолкать в тюбик, всё же попали, на мой взгляд, в своего рода историческую ловушку. С одной стороны, интересы страны требовали примирения враждующих партий, прекращения Гражданской войны. С другой стороны, ни большинство бывших белых, ни большинство красных к этому примирению не были готовы. Красные гораздо позже, уже после смерти Сталина, начнут постепенно эволюционировать, а к 1970–1980-м годам можно сказать, что просто побегут даже не в сторону примирения, а полной капитуляции и сдаче интересов страны. Но на тот момент, на мой взгляд, для участников сменовеховства образовалась своего рода вилка: либо уходить из истории и ждать, когда большевики станут готовы эволюционировать, либо решиться сдаться на милость тогдашнего победителя, теряя свою самостоятельность и субъектность. Подавляющее, пожалуй, большинство идеологов сменовеховства выбрали второе. Слишком быстро дали о себе знать отчётливые признаки чрезмерной лояльности к большевикам.

Лишь Устрялов долго выступал и боролся за идейную самостоятельность движения. Он долго спорил с другими участниками движения. Уже осенью 1922 года, то есть буквально чуть больше года прошло с момента выхода сборника «Смена Вех», он говорил о той мимикрии, которая характерна для его сподвижников, о том, что она весьма опасна для сменовеховского движения. Устрялов писал одному из авторов сборника Лукьянову: «Я убеждён, что та “мимикрия” (по выражению А. В. Бобрищева-Пушкина в его письме ко мне), которая характерна для “Накануне” [берлинской сменовеховской газеты. — *Ред.*], весьма опасна для сменовеховского движения. Другое дело, конечно, если на сменовехизм Вы смотрите искренно, как на прямой мост к большевизму и РКП — и только. Но если Вы расцениваете наше движение как нечто самостоятельное, имеющее своё собственное будущее, то необходимо

вырабатывать и собственную идеологию, отличную от экономического материализма и классовой точки большевиков ... Мне кажется, это невыгодно для самого “Накануне”, утрачивающего яркость и своеобразие позиции, ничего взамен не приобретая. Стремясь быть “большевиками второго дня революции” (мечта Ключникова и Бобрищева-Пушкина), следует опасаться стать просто большевиками второго сорта, — не правда ли?» (Квакин 2006: 83–84).

Устрялов вплоть до конца НЭПа выступал за идеологию умных и порядочных спецов, работающих не за страх, а за совесть, и не за совесть коммунистическую, а за свою собственную. Однако его попытки предотвратить процесс обольшевничивания сменовеховства оказались безуспешными, и он резюмировал в своём дневнике в августе 1925 года: «“Смена Вех” — парижский журнал — издавалась, оказывается, уже под непосредственным контролем большевиков, чувствовавших себя хозяевами журнала. Большевики давили слева. Усиливаясь, становились всё более надменными. Сменовеховский лимон выжимался довольно быстрыми темпами» (Гачева 2003: 212–213). Сначала к «движению» присматривались, считались с ним, — пишет он. Перспективы были благоприятны. И скоро всё пошло прахом... «Да, слабые люди», — констатирует Устрялов.

Увы, но позже подобная эволюция случилась и с самим Устряловым. Если даже он, самый самостоятельно мыслящий сменовеховец, в итоге скользнул туда же, значит, в саму логику сменовеховства всё же было встроено то, что предопределило такой его конец. Ещё в публикациях 1929 года Устрялов выступал за нэповский путь развития и предостерегал от военно-коммунистических методов управления как вредных для страны. Но уже в следующем году он активно поддерживает контрнэповский курс, решительно взятый руководством партии. В итоге Устрялов отказался от своих идей спуска революции на тормозах и перерождения советской власти. Когда ему стали указывать на то, что такое изменение позиции означает фактически крах сменовеховства, он возражал, что главное в течении — это выражение полной лояльности государственной власти и что сменовеховцами стали большевики, поэтому его программа победила.

Следует говорить, что Устрялов — автор самой формулы, словосочетания «национал-большевизм», которое пережило сменовеховство. Как сказал М. А. Колеров, «Устрялов стал автором почти гениальной формулы национал-большевизма, то есть формулы использования

интернационалистской и антинациональной большевистской власти — в национальных, суверенных и независимых общегосударственных целях, исторически постоянных и не зависящих от режима. Её центром и приоритетами были преемственная государственность, безопасность и военно-экономическая мощь» (Колеров 2017: 171). Но в 1930 году уже Устрялов говорит: «Сталин — типичный национал-большевик». Разница между Устряловым прежним и новым в том, что теперь он говорит не просто о лояльности государственной власти, но о полной верности гражданина своему государству и правительству. Гибкие диалектические формулы 20-х годов сменяются дихотомическими «или», требующими полной поддержки власти. Другое дело, что Устрялов был таким только в публичной печати, а в дневниках, в письмах личного характера он выражал совсем другие настроения. Втайне он, в частности, признавался в своей раздвоенности и растерянности: «Политически приходится жить какой-то двойной жизнью. С одной стороны, ежедневная живая информация об ужасах и жутких бессмыслицах советской действительности; с другой — вести по части достижений. Сегодня беседуешь с бежавшим из Владивостока спецом и буквально содрогаешься от его рассказов; завтра в беседе с коммунистом черпаешь надежду на конечную удачу страшного передела, преобразования страны. Так и живёшь между “ура” и “караул”». Тем не менее, ощущая про себя «несносный жизненный тупик» и выражая его лишь в частных письмах, Устрялов отказывается изменить свою позицию, подчёркивая, что «наше положение таково, что мы не можем себе позволить вторичной смены вех: такие вещи в жизни проходят лишь раз» («Политическая эмиграция — не наш путь» 1999: 118–119).

Устрялов в итоге принял решение вернуться в СССР из эмиграции, хотя прекрасно понимал, чем ему лично это может грозить. Он писал в дневнике: «Государство ныне строится, как в годы Петра, суровыми и жёсткими методами. Подчас на костях и слезах. В своей публицистике я осознавал этот процесс, уясняя его смысл, и неоднократно призывал понять и оправдать его. Тем настоятельнее необходимость сделать из этих ответственных призывов не только логический, но, когда нужно, и жизненный вывод. Ежели государству понадобятся и мои собственные “кости” — что же делать, нельзя ему в них отказывать» («Политическая эмиграция — не наш путь» 1999: 161). Эта решимость Устрялова идти до конца, соблюдать верность своим идеям, она не может не вызывать уважения. Это своего рода власть поступка, о которой сказал тот же М. А. Колеров, решимость на самопожертвование. Когда Устрялова

спрашивали, зачем он едет в СССР, то он иронично отвечал: «Для биографии». Но это полноценная трагедия. Когда Устрялов вернулся в СССР, ему дали второстепенную работу, публиковаться позволяли очень ограниченно. В итоге он был расстрелян в 1937 году в те же дни, что и участники заговора маршала Тухачевского.

Что обусловило трагическую судьбу и Устрялова, и других многих видных участников сменовеховского движения? Статьи и книги Устрялова, его сборники публицистики 1920-х годов поражают глубиной мысли и анализа, они написаны прекрасным слогом. Но в этом анализе всё же есть следующее слабое место. Устряловский взгляд не проникал в философскую и метафизическую плоскость, он ограничивался преимущественно социально-политической и экономической реальностью. А мощь государства была для него самоценностью. Но ведь у государства есть корни, а в случае с таким идеократическим государством, каким был СССР, необходимо было принимать во внимание и философию марксизма и его метафизику. Устрялов же до этих корней не доходил.

К тому же он был своего рода последователь Макиавелли. Макиавелли как-то сказал, что благо Родины для него дороже спасения собственной души. Вот и Устрялов, наверно, в этом смысле сознательно предпочёл спасение Родины как он его понимал, а не своей души.

Исторические результаты, позволяющие оценить сменовеховство как идейное движение, на мой взгляд, оказались двоякими. С одной стороны, нельзя не признать восстановление государства и армии, укрепление международного престижа СССР, который стал ведущей по могуществу державой в XX веке, и многое другое. С другой стороны, теперь мы можем видеть и то, чем советское великодержавное закончилось — крахом этого великого государства. И в этом смысле сменовеховцы, конечно, переоценили государственный потенциал большевизма. В этот идеал была изначально заложена утопичность, и даже антигосударственность в его философии, поскольку целью коммунизма было всё-таки упразднение государства, не будем это забывать. Советский интернационализм внёс свой вклад и в распад «Большой России». Всего этого Устрялов не видел или не учитывал, и в этом плане сменовеховство — это трагичный феномен.

Но я считаю, как уже было сказано, что сменовеховство невозможно оценить или описать одной краской или даже двумя-тремя. На волне этого движения в СССР вернулись сотни тысяч людей, и они, в частности, внесли свой важный вклад в победу в Великой Отечественной

войне. Впервые, наверное, красных и белых всерьёз примирила Великая Отечественная война. Сегодня мы должны стараться смотреть на сменовеховство с разных углов зрения, не прибегая к окончательным выводам. Это очень сложное, неоднозначное движение. Через его призму очень полезен взгляд на советский период истории, на его плюсы и минусы. Так мы видим, с одной стороны, тактическую гибкость и в то же время фанатическую идейность большевиков, а с другой стороны — их государственный потенциал, хотя созданное ими государство по историческим меркам быстро рухнуло. Но сквозь контуры СССР, России красной вдруг частично проступили черты исторической России. Думаю, именно это и было дорого сменовеховцам. А вот в какой мере эти контуры проступали, какова степень преемственности советского периода по отношению к России дореволюционной — это так и остаётся предметом для дискуссий и темой для очень непростых размышлений вплоть до сегодняшнего дня. Не будем торопиться, слишком многое тут стоит на кону.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

«Не остановиться ли?» Из переписки Н. В. Устрялова и княгини Л. В. Голицыной / предисл. О. А. Воробьева // Грани. — 1999. — № 192. — С. 207–227.

«Политическая эмиграция — не наш путь»: Письма Н. В. Устрялова Г. Н. Дикому. 1930–1935 гг. / публ. О. А. Воробьева // Исторический архив. — 1999. — № 3. — С. 200–211.

Гачева А. Г. Философская эмиграция. Сменовеховство // Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов / А. Гачева, О. Казнина, С. Семёнова. — М. : ИМЛИ РАН, 2003. — С. 181–213.

Квакин А. В. Между белыми и красными: русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках Третьего Пути. — М. : Центрполиграф, 2006. — 411 с.

Колеров М. А. «Аще не умрет, не даст плода»: власть и жертва Устрялова // Национал-большевизм. Избранные статьи 1920–1927 гг. / Н. В. Устрялов. — М. : Циолковский, 2017. — С. 5–56.

Ленин В. И. XI съезд РКП(б) // Полное собрание сочинений. — М. : Политиздат, 1970. — Т. 45. — С. 65–138.

Смена Вех [1921] / предисл. Ю. В. Пущаева, ред. М. А. Колерова. — М. : Модест Колеров, 2021. — 336 с.

Сведения об авторе:

Пущаев Юрий Владимирович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1, e-mail: putschaev@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 21.01.2023; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 29.02.2023.

Yu. V. PushchaevLOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

The Smenovekhovtsy Movement as the First Historical Attempt to Reconcile the Reds and the Whites: Achievements and Failures

Abstract. The history and results of the famous Smenovekhovtsy movement, which started with the Change of Signposts (Smena Vekh) publication in 1921, are observed. The paper states that the Smenovekhovtsy movement dropped off the field of public attention in the post-Soviet period, but now it is time to return to this phenomenon. The author considers the Smenovekhovtsy movement as the first historical attempt to reconcile the Reds and the Whites after the Civil War. From this point of view, the positive and negative sides of this movement are evaluated, as well as what lessons can be drawn from those events for today. The papers highlights the relevance and nonrandom popularity of the the Smenovekhovtsy movement's ideas at the time of their very emergence. However, quite quickly this movement became extremely corrupt (messed up and fake) due to its leading participants. That way, the custom-made nature, which it acquired quite soon, became obvious to many people. The Bolsheviks were not ready to make any serious compromises, except for tactical reasons — that was the initial mistake of the Smenovekhovtsy. The tragic fate of the leader of this movement Nikolay Ustryalov, and many other prominent participants was conditioned by the fact that their view and analysis did not involve the philosophical and metaphysical plane, being limited

mainly to sociopolitical and economic reality. Therefore, their hopes for an early evolution of the regime did not come true. In case of such an ideocratic state as the USSR, it was essential to take into account both the philosophy of Marxism and its metaphysics. The historical results, which would allow to evaluate the Smenovekhovtsy movement, turned out to be twisted and ambiguous. It is impossible not to recognize the restoration of the state and the army, the international prestige of the USSR, which became the world's leading power in the XX century. On the other hand, the Soviet great power ended with the collapse. The Smenovekhovtsy overestimated the state potential of Bolshevism. A take on the Soviet period of history, its pros and cons through the prism of the Smenovekhovtsy movement is quite useful. It is no coincidence that the features of historical Russia suddenly bled through the red contours of the USSR. This was exactly what the Smenovekhovtsy movement highly appreciated. But to what extent they bled through — this remains a subject for discussion until today.

Keywords: “Change of Signposts” publication, the Smenovekhovstvo movement, N. V. Ustryalov, the Civil War

For citation: PushchaeV, Yu. V. (2023). The Smenovekhovtsy Movement as the First Historical Attempt to Reconcile the Reds and the Whites: Achievements and Failures. *Orthodoxia*, (1), 246–265. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-1-246-265

REFERENCES:

“Ne ustanovit'sia li?” Iz perepiski N. V. Ustryalova i kniagini L. V. Golitsinoi [“Shouldn't We Stop?” From the Correspondence of N. V. Ustryalov and Princess L. V. Golitsina]. (1999). *Grani*, 192, 207–227. [In Russian].

“Politicheskaiia emigratsiia — ne nash put”: Pis'ma N. V. Ustryalova G. N. Dikomu. 1930–1935 gg. [“Political Emigration is Not Our Way”: Letters from N. V. Ustryalov to G. N. Diky. 1930–1935]. (1999). *Istoricheskii arkhiv*, 3, 200–211. [In Russian].

Gacheva, A. G. (2003). Filosofskaiia emigratsiia. Smenovekhovstvo [Philosophical Emigration. Smenovekhovstvo]. In A. Gacheva, O. Kaznina, S. Semenova *Filosofskii kontekst russkoi literatury 1920–1930-kh godov* [Philosophical Context of the Russian Literature of the 1920–1930s]. (pp. 181–213). Moscow: IMLI RAN. [In Russian].

Kolerov, M. A. (2017). “Ashche ne umret, ne dast ploda”: vlast' i zhertva Ustrialova [“If It Does Not Die, It Will Not Bear a Fruit”: Power and Sacrifice of Ustrialov]. In N. V. Ustrialov *Natsional-bol'shevizm. Izbrannyye stat'i 1920–1927 gg.* [National Bolshevism. Selected Articles 1920–1927] (pp. 5–56). Moscow: Tsiolkovsky. [In Russian].

Kvakin, A. V. (2006). *Mezhd u belymi i krasnymi: russkaia intelligentsiia 1920–1930 godov v poiskakh Tret'ego Puti* [Between the Whites and the Reds: The Russian Intelligentsia of 1920–1930th in Search of the Third Way]. Moscow: Tsentrpoligraf. [In Russian].

Lenin, V. I. (1970). XI s"ezd RKP(b) [XI Congress of the RCP(b)]. In *Complete Works* (Vol. 45, pp. 65–138). Moscow: Politizdat. [In Russian].

Smena Vekh [1921] [Change of Signposts. 1921]. (2021). Moscow: Modest Kolerov. [In Russian].

About the author:

Yuri Vladimirovich Pushchaev — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Philosophy at Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher at Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 1, Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, e-mail: putschaev@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 21.01.2023; approved after reviewing 25.02.2023; accepted for publication 29.02.2023.